

Он понимал, что это была беспричинная злость, срываемая на невинном. Этот худощавый и бледный молодой лекарь был всего лишь посланцем знати, чтобы лечить его раны. Жалкий служака, не способный ни на что, даже если на него кричать.

Но сейчас Чжао Цянь ненавидел всех подряд, и эта ненависть распространялась даже на невинного лекаря.

Все в комнате наблюдали за сценой. Цзян Лю слегка откинулся на спинку стула, лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным, но взгляд стал пристальным и сосредоточенным. Он не отрывал глаз от двоих перед ним, точнее — от новичка.

То, что Чи Яньгэ мгновенно вошёл в роль, не стало для него сюрпризом. Таково было его мастерство, и Цзян Лю привык к его безупречной игре. Но новичок, которого он изначально счёл просто «протеже со связями», оказался не так прост, как предполагалось.

Молодой человек с бледной кожей выглядел слегка нервным — это выдавала его скованная пластика. Однако эта нервозность не только не была недостатком, но даже добавляла правдоподобия. Чан Цин, тайный телохранитель, взращённый шестым принцем, почти не ведал жестокости мира и никогда не проливал крови. Его намеренно воспитали мягким и добрым, и это задание было для него первым.

Чан Цин был самой скрытной фигурой при шестом принце именно потому, что был совершенно неисклещён. Его взгляд, полный тепла и ясности, не умел лгать.

Он знал лишь, что его послали лечить раны императора чужой страны, и вид избитого человека пугал его. Тяжёлый запах крови витал в воздухе. Чан Цин нервничал, движения его были осторожными — он боялся причинить боль. Не получив ответа, он робко принялся обрабатывать раны.

Запёкшаяся кровь склеила одежду с кожей. Молодой человек присел, стараясь аккуратно освободить ткань, дыхание его было лёгким, а брови сведены в глубокую складку.

Когда он склонился, чёрные волосы рассыпались по его плечам, и от них исходил лёгкий горьковатый запах трав. Он и сам был таким — лёгким, чистым, и его невозможно было невзлюбить. Чжао Цянь пристально смотрел на него, взгляд его был сложным, будто он пытался разглядеть в нём фальшь или скрытый умысел, но видел лишь искренность.

Чан Цин смутился под этим взглядом и тихо спросил:

— Господин... можно я разрежу вашу одежду? Ткань прилипла, и я не смогу сменить повязку.

Чжао Цянь отвёл взгляд в сторону и холодно бросил:

— Как хочешь.

Молодой человек кивнул, пробормотал «прошу прощения» и принялся искать что-то в своей аптечке. По сценарию, он должен был отыскать маленькие серебряные ножницы и медленно разрезать одежду, присохшую к ранам.

Хотя это была игра без реквизита, Пэй Цинъи вёл себя так, будто ножницы действительно были у него в руках. Окружающие видели, что движения его были немного неуклюжими. Разрезав небольшой участок ткани и увидев ужасные раны под ней, он не смог сдержать гримасу жалости, но продолжил. Он не знал, что под рукавом Чжао Цяня был спрятан острый кинжал,

и малейшее подозрительное движение стоило бы ему жизни.

— А-ай!..

Чи Яньгэ внезапно крикнул от боли, и лицо его исказилось от гнева.

— Ты... — Ножницы задела рану!

Чан Цин всполошился, забормотал извинения, его вид выражал растерянность и вину.

Пэй Цинъи отодвинулся, держа дистанцию, будто всё ещё сжимая в руке ножницы. Он хотел продолжить, но боялся снова разгневать мужчину, и потому лишь твердил:

— Простите... простите...

Хотя боль испытывал Чжао Цянь, казалось, будто это Пэй Цинъи был обижен, — жалкий, напуганный зайчишка.

Мужчина на полу свирепо взглянул на него, выдержал паузу, затем тихо убрал кинжал. Но голос его по-прежнему звучал грубо:

— Болван!

— Я... — Чан Цин нервно теребил пальцы.

— Ты пришёл лечить меня, так что же, я должен тебя упрашивать? — Чжао Цянь был вне себя.

Чан Цин поспешно подошёл, смущённо пробормотав:

— Слушаюсь.

Едва Пэй Цинъи сделал шаг вперёд, Чи Яньгэ встал. Жёсткое, холодное выражение его лица мгновенно испарилось, уступив место вежливой, светской улыбке.

— Ты хорошо сыграл. Я и сам вжился в роль, — без ложной скромности похвалил он.

— Спасибо.

Пэй Цинъи взглянул на Цзян Лю, сидевшего в центре. Тот лишь слегка кивнул, не выражая одобрения.

В груди Пэй Цинъи отлегло. Похоже, он справился неплохо — об этом говорили лица присутствующих.

Продюсер едва сдерживал удивление и радость. Будь Пэй Цинъи уже ушёл, он бы тут же принялся донимать Цзян Лю вопросами, не передумал ли тот насчёт новичка.

Два помощника режиссёра также одобрительно кивнули и спросили Цзян Лю:

— Цзян-дао, как думаете? — На их лицах явственно читалось: «Нам нравится».

Но Цзян Лю оставался холоден, игнорируя их оживлённые взгляды, и спокойно произнёс:

— Результаты проб будут объявлены через три дня. Господин Пэй, можете быть свободны.

Чи Яньгэ фыркнул. Он-то видел, что в конце сцены Цзян Лю тоже был впечатлён. К чему теперь строить из себя неприступного? Но разоблачать его он не стал, лишь улыбнулся Пэй Циньи:

— Надеюсь увидеть тебя на площадке.

— Спасибо.

Пэй Циньи подумал, что тот чересчур дружелюбен — совсем не похоже на образ холодного и отстранённого человека, созданный медиа.

— Проводить тебя? — Последующее предложение Чи Яньгэ лишь подтвердило его догадку.

— Нет, спасибо, — вежливо отказался Пэй Циньи. Внизу ждал водитель, и показываться с малознакомым человеком ему не хотелось.

Хотя он и ценил талантливых актёров, и Чи Яньгэ произвёл на него приятное впечатление, он, подобно Чжао Цяню, держал ухо востро. В этом болоте шоу-бизнеса, где выживали лишь хитрейшие, он не собирался быстро сближаться с кем бы то ни было.

Чи Яньгэ с лёгкой грустью проводил взглядом уходящего Пэй Циньи, прежде чем вернуться к реальности.

Продюсер, знавший, кем был Пэй Циньи, с раздражением предупредил:

— Не заигрывай с ним. У него большая спина!

— Знаю, знаю, — Чи Яньгэ отряхнулся и небрежно развалился на стуле, не принимая предупреждение всерьёз. — Говорили же — прислан семьёй Шэнь.

— Так вёл бы себя приличнее!

Продюсер толкнул Цзян Лю локтем:

— Играет-то он неплохо, подумай об этом. Где ещё найдёшь молодого актёра с такой внешностью и хоть каким-то талантом? Упустишь — второго такого не будет!

К тому же он видел, как у Цзян Лю заблестели глаза, когда те играли. А теперь делает вид, что ничего не было. Кого обманывает?

Цзян Лю отмахнулся, раздражённый:

— Ладно, ладно, не лезь не в своё дело. Я тут режиссёр!

— А я продюсер! Не найди я инвесторов — снимал бы ты на воздухе! — Продюсер начал закипать.

— Я же не сказал, что не возьму его. Чего нервничаешь?

— Правда?!

— Правда, — ответил за Цзян Лю Чи Яньгэ. — Не волнуйся, Сяо. Если он не захочет, я его не отпущу.

Продюсер тут же просиял и хлопнул Цзян Лю по плечу, провозгласив его «понимающим товарищем».

Теперь, когда вопрос был решён, он мог доложить господину Шэню. Продюсер поспешил отыскать ассистента Шэнь Цюня, Сяо Яня, чтобы сообщить новости, и смылся, даже не дождавшись конца проб. Цзян Лю даже подумал, не затем ли тот так рвался на прослушивание — чтобы протолкнуть своего человека.

Хотя, возможно, даже без протекции этот человек соответствовал бы его требованиям.

После этого пробовались ещё шесть или семь человек, но Чи Яньгэ ни с кем больше не играл. Он безвольно раскинулся в стороне, уткнувшись в телефон, и лишь когда Цзян Лю закончил с последним кандидатом и объявил перерыв на обед, вдруг вскочил с места с неожиданной прытью.

<http://bllate.org/book/15935/1424478>